

Завтра
Олег даст дуба.
Вернее —
целую дубраву

ГАЗМАНОВА НЕ ПРИБЬЕШЬ!

Веч. Москва. — 1998. — 24 апр. — с. 7

Этой сосной чуть не прихлопнуло есаула

Юлия АЛЕКСАНДРОВА

сли бы не газмановский собак (так Олег называет своего любимца — овчарку Корби), возможно, мы бы с Газмановым не встретились.

За день до назначенного интервью Олег, как обычно, утром вышел на улицу, потянулся и позвал Корби. Высколенный пес вдруг встал в боевую стойку и... бросился на хозяина. «Все, у собака поехала крыша!» — только и успел подумать Газманов. Корби мощнейшим ударом отбросил его на несколько метров и буквально пригвоздил к земле. Мгновением позже на то самое место, где Газманов только что вдыхал свежее утро, с жутким треском рухнула здоровенная сосновая ветвь. Она была в несколько раз больше Газманова и, как пить дать, прихлопнула бы есаула отечественной эстрады. Олег не сразу пришел в себя, а очухавшись, кинулся целовать своего питомца. Корби тем временем уже разобрался с сосной-убийцей: растерзал ее на щепки. Теперь Газманову есть чем ражигать свой знаменитый камин.

На камине — коллекция «Оваций» (четыре штуки), видеокассет с газмановскими клипами и выступлениями (много штук), какие-то морские раковины и дикивинные заморские прибабасы. Над камином — раскидистые рога. «Твои, Олег?» — «А чьи же?». И Газманов без тени смущения запрыгивает на уровень рогов, дабы у меня исчезли последние сомнения в его по-прежнему спортивной форме (см. фото).

— Говорят, что завтра ты торжественно дашь дуба?

— Вернее, дубраву. Я ломал голову, как провести презентацию своего нового альбома «Красная книга». В клубе с выпивкой и бутербродами — душно и скучно. По-моему, эта история уже всем давно надоела. Хотелось чего-то неожиданного и полезного. Так появилась идея посадить в Москве дубовую рощу. В Останкинском парке — там, говорят, старейшая северная дубрава в мире. Надо же ее омолодить.

— «Дубы-колдуны» — это, кажется, не из твоей песни. Или ты следуешь принципу, что каждый мужчина должен построить дом, посадить дерево и вырастить сына?

— А что, по-моему, здравый принцип. Но это будет не просто акция посадки деревьев. Вместе с международным журналом «Экос» мы собираемся замесить настоящее шоу: уже заготовлены двести саженцев, и известные люди (в том числе и московский мэр) посадят их в землю. А заодно мы очистим парк, запустим аэростат, повеселимся. Ну и, конечно, я спую песни из нового альбома «Красная книга». Там же, на свежем воздухе, и обмоем мое детище.

— А через две недели, если не ошибаюсь на победные майские праздники, тебя увековечат в Пло-

щади звезд. Здесь-то какая экология?

— Было бы странно, если бы меня «впечатывали» моими же руками. Это акция премии «Овация», им и претворять ее в жизнь. Пафос этой церемонии в ее традиционности.

— Тебя не коробит «закладываться в бетон» в порядке общей очереди? Мне казалось, что тебя всегда устраивало только право «первой ночи», первой звезды...

— А я и должен был стать первым из живых на этой площадке. Устроители «Овации» объявили: кто первым получит три Национальные премии, того и заложат. Но я-то собрал коллекцию из трех премий уже на второй церемонии. Они такой прыти не ожидали, довольно долго никого из действующих артистов не закладывали (видимо, надеясь, что я умру естественным образом). Но я до сих пор жив. И тогда судорожно стали закладывать всех без разбора.

Что касается церемониала, мне кажется, зря мы все слизали у американцев. Надо было

Фото Руслана РОЩУКИНА

звезд в стену замуровывать. На Красной площади. Но моего же мнения никто не спросил... Да и ладно, я лучше вот о дубах своих подумаю. Здоровее будет.

— На тебе, как вливой, сидит костюмчик такого правильного человека. Друг, товарищ и брат. Спортсмен, отличник, прямо линейно какой-то...

— Это ты сама придумала?

— Это результат несметных твоих интервью в прессе и по телевизору. Я-то как раз знаю, что ты артист... не самый правильный.

— Что, будем ломать образ?

— Как желаешь. Ну рассказал бы разок что-нибудь человеческое. Про женщин своих, например.

(Газманов молчит.)

...Можно подумать, что Олег Газманов никогда не влюбляется.

— Это моя личная жизнь.

— Чего молчишь.

— Считаю, немужское это дело — тархатеть о своих победах на личном

фронте. Настоящий охотник — молчаливый охотник. Я — влюбчивый человек, пережил несколько больших романов. Если начну рассказывать о новых своих привязанностях, причиню боль женщинам, которых я любил. А я не хочу!

...Да, не ханжа я. Если надо трепаться об отношениях с прекрасным полом, чтобы никто не заподозрил во мне — как ты сказала? — ленинца? — тогда увольте. Плевать мне, какой я у вас, журналистов, получаюсь. Надеюсь, что народ еще интересуется моими песнями, а когда перестанет интересоваться, я все равно не буду искусственно подогревать интерес к себе байками о своих похождениях.

— Не горячись. Лучше скажи: а тебя захватывает? Можешь ты, например, ради свидания отменить гастроль?

— А зачем намеренно создавать экстремальную ситуацию? Если кординировать свою жизнь с жизнью любимого человека, то и не нужно будет ничего отменять. Хотя если почувствую — надо совершить поступок в глазах возлюбленной, не раздумывая, отменю все.

— Ну а твоя страсть к футболу всамделишная или так, показуха? Говорят, ты недавно «болел» на «Динамо» за «Спартак», орал как резаный.

— Футбол — это классная штука: дикое количество людей объединяет. Все ждут: ну когда же мы уже?... Но футбол — это и национальная трагедия. По игре можно судить, как мы живем и как поступаем. «Спартак» показал класс, а толку-то что?

Я страшно расстроился после того матча. На поле — звон, треск, кутерьма, наши ребята подвиги совершают. В первом тайме спартаковцы задавили итальянцев: соперников просто не было видно. Казалось, ничто не мешает заколотить два, три гола. Так нет же, за несколько секунд до свистка итальянцы спокойно забивают, без подвиги и суеты. И счет — 1:1. Обидно за наших: в центре поля играют здорово, а как доводят до штрафной — не получается. Так у нас и в жизни.

— У тебя на книжной полке «Декамерон» Бокаччо. Перечитываешь?

— Именно — перечитываю. Классиков уважаю. Пушкина, Чехова, Тургенева могу читать и читать. Обожаю Курта Воннегутта. (Ого! — Ю.А.) «Такова структура момента» — это я у него почерпнул. А Стругацких я просто перекачал себе в компьютер (ноутбук) из Интернета и зачитываюсь в самолетах, автобусах...

— Ну а нет гастролей? Предположим, совершенно свободный вечер, Газманов приезжает домой, задергивает шторы, садится к камину, и...

— Любая твоя фантазия осуществима. Да-да, и свечи зажигаю, и музыку... Все у меня, как у людей. Кстати, и утром я...

— Целуешь свою собаку?

— И не только собаку.